

Журнал «Огонек»

№18, 1954

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №18, 1954 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70082-5

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70082-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и трудное счастье первого созидания. Мы живем в великое время, и нет большей радости, чем радость сознания того, что ты своим трудом участвуешь в самом величественном и благородном строительстве, какое знал мир. Светлое здание коммунизма мы строим для себя и для детей наших. И, глядя на тех, для кого лишь восходит заря жизни, мы думаем:

— Им принадлежит будущее.

Нет ничего беспомощней и слабей, чем дитя, только что увидевшее свет. Но именно ему принадлежит будущее. Эти руки, розовые и тонкие, как стебельки, по праву возьмут то счастье, которое так трудно, так самоотверженно строило старшее поколение.

Об этом невольно думаешь, глядя на существо, появившееся на свет всего лишь несколько дней тому назад. Об этом думает, вероятно, и молодой отец и старый врач, видевший за свою большую жизнь столько счастливых встреч. И вот новый маленький человек, оставив стены дома, где он увидел впервые свет солнца, направится отсюда в простор жизни.

Весна земли — весна новой судьбы.

Весною смутная и тревожащая мечта о новой судьбе, новой профессии обретает первые реальные очертания. Сколько различных суждений, сколько горячих споров, сколько страстных доказательств правильности твоего выбора и сколько сомнений!..

За порогом школы кончается детство. Что делать после окончания школы? Куда пойти учиться? Кем ты хочешь быть? Еще не раз будут возникать горячие споры, еще не раз друзья-товарищи будут с жаром обсуждать планы, стремления, надежды, снова и снова решать будущую свою судьбу.

И, стоя рядом с ними, мы как бы заглянули в это будущее.

Нет, не надо обещать им голубую безоблачность. Будут и трудности, будут, быть может, и разочарования, будет, обязательно будет напряженное усилие. Это крепкая, здоровая поросль. Им нечего бояться испытаний! Пусть смело идут вперед, к светлой цели, указанной им партией, комсомолом, — общей великой цели, единой для всех советских людей.

Весна земли — весна труда!..

Просторный весенний ветер летит над подмосковными полями, и шум тракторов доносится еще издали, как гул трудового сражения. И в этом слитном, ровном гуле, вслушавшись,

Тракторист Николай Молчанов уже решил свою судьбу — профессия им выбрана.

Скоро начнется концерт. Молодая балерина Ирина Левитина (слева) перед выходом на сцену.

можно различить отдельные звуки: то взвизнет пила на колхозной стройке, то послышится домовитое, хлопотливое тархатенье работающего движка, то, словно удивившись весеннему дню, упоенно прокричит петух... Мы идем по пушистой прогретой земле, а солнце подпекает спину, и могучий запах весеннего поля плывет навстречу.

Пересекая поле, движется трактор. Тракторист, сидящий за рулем, уже решил свою судьбу, профессия им выбрана. Только в этом году он кончил курсы и ныншей весной стал трактористом. Он проехал мимо нас и взмахнул приветственно рукой, но радовался он не встрече с нами, — этим мы себя не обольщаем. Мало ли чему радуются в молодости: тому, что спорится труд, тому, что хорош день, тому, что любит девушка... А может быть, и всему вместе!

Долго апрельский день, но приходит конец и ему.

Первые огни зажигаются в Москве, и зеленеет весенняя звезда снова восходит над крышей высокого здания. Закрываются двери учреждений, распахиваются двери театров. Оживленные люди входят в концертные и театральные залы Москвы. И мы, отряхивая пыль дороги, надыхавшись полевым простором, входим вслед за ними, толкнув широкую дубовую дверь.

И тотчас же в лицо веет нагретый воздух большого зала и глаза слепит золото огней.

Где-то далекая скрипка задумчиво пробует голос, снова и снова повторяя свое «я», и, как бы отделившись ей, глухо вздыхает виолончель. Скоро начнется концерт. Но до его начала мы заглядываем за кулисы.

Быть может, зрелость и должна принести человеку искусства утешительный дар быть спокойным перед выступлением, но, скажу по совести, не доводилось мне такого человека увидеть. Всегда, в любом возрасте, бесконечно волнуется артист встреча со зрителем — великая проверка твоего дарования, твоего мастерства, правильности твоего пути в искусстве. Но как же волнительны такие минуты, когда артист лишь начал свой путь!

Весь день нам сопутствовали встречи с весной человеческой жизни. И здесь, за кулисами концертного зала, снова встретились мы с только расцветающей молодой судьбой.

Молодая балерина недавно окончила хореографическое училище при Большом театре. Это один из первых ее концертов, она будет танцевать украинский танец. Фотоаппарат показывает вам, что происходит за кулисами в последние минуты перед тем, как откроется занавес. Вы сами прочтете на лице молодой балерины всю гамму чувств: волнение, радость, надежду... Пожелаем же ей доброго и славного пути в искусстве и всех тех радостей, о каких мечтает человек весной жизни.

А мы снова выйдем на улицы Москвы.

Стало темным вечернее небо, и в блеске городских огней затерялось наивное мерцание звезд. Над перекрестком шурит зеленым кошачьим глазом светофор. Влажно поблескивает накатанный до черноты асфальт мостовой.

Еще безмолвны фонтаны в скверах, еще неуютны пустынные клумбы, еще голы ветви деревьев. Лишь у подножия бронзового Пушкина, как всегда, лежат свежие цветы, и ветер доносит их запах.

Но весна во всей ее могучей прелести уже вступила на землю — весна жизни, весна труда, весна счастья. Нашу весну открывает Первомайский праздник — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран. Из рядов первомайских демонстраций несет призыв к единству ко всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм!

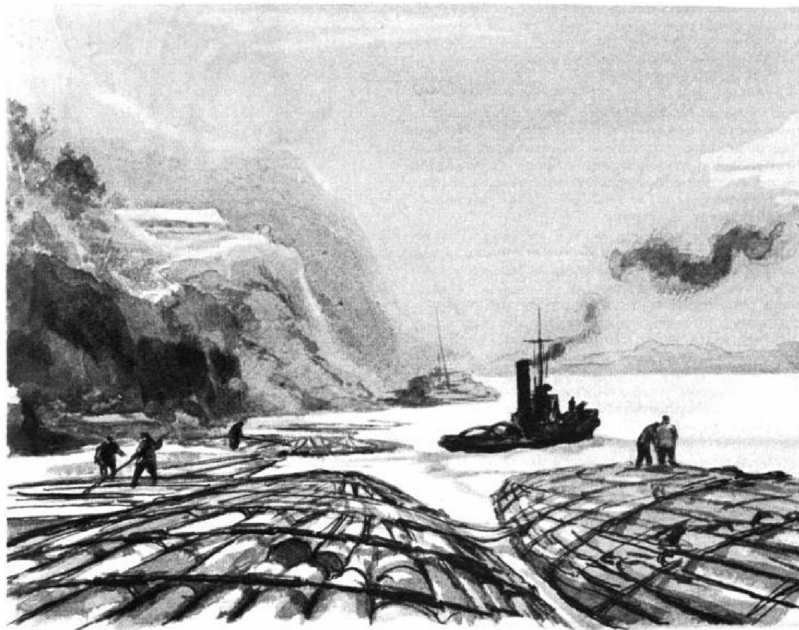
И столько в нашей весне силы и вдохновения, столько надежд и стремлений, столько нежности и мужества, сколько может вместить человеческое сердце!

Татьяна ТЭСС

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Copyrighted material

В НОВУЮ ДОРОГУ

Рассказ

И. ДВОРЕЦКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

— Рядовой Адилов! — крикнул дежурный. — Вам письмо.

Зекен взял запечатанный конверт и за ружейной пирамидой, где, как по линейке, вытиснулись серые, однообразно запроваленные койки, уселся на стул возле своей тумбочки с наклеенной на дверку переводной картинкой. Там, молча шевеля губами, долго читал.

По казарме вольготно разгуливал сырой вечерний воздух. За окном играл баян. Вдали были видны сосны, над ними по небу расплывалось красное зарево; казалось, лес охвачен пожаром.

Зекен подошел к открытому окну. На поляне лежали солдаты и пели. Баян звучал тихо и чисто. Он не вырывался из общего хора, а задумчиво и бережно вел за собой песню, то теряясь в ней, то опять чуть возникая, как ручеек в густой осоке. Сидя на толстом, корявом пне, Костя Мещеряков, друг Зекена, с упованьем дирижировал руками.

Зекен слышал, как Константин отчетливо выговаривает:

— Эй, баргузин, пошевеливай вал...

Песня в тот вечер звучала торжественно, как присяга.

Утром в батальоне стало окончательно известно: через два дня увольнение.

И хотя солдаты мечтали о минуте, когда приказ разрешит отправиться в отчий дом, было им не по себе. Все вдруг поняли, как дорога им сплоченная армейская семья, как сроднились они между собой. И недаром весь вечер ничне распевали песни о Сибири, как бы желая сгладить эти: «Узнали мы тебя, Сибирь, и не забудем, какая ты есть...»

Но вместе с грустью нет-нет да и слышалось в песнях радостное раздумье, какое владеет человеком, собравшимся в новую дорогу. Раздумывал и Зекен.

Давно договорился он с Костей Мещеряковым, что поедет к нему на Байкал. Будут работать на сплаве, получат много денег, так как, по заверению Кости, никто не зарабатывает столько, сколько сплащики, и нигде так не нуждаются в лишней рабочей руке, как в Сибири. Закончится сплавной сезон, и Зекен закупит себе разных вещей, подарков домашним, а уж после этого, коли пожелает, отправится в Казахстан. Но письмо, обыкновенное, ничем не примечательное, о каждодневных, привычных делах взбудоражило: пахнуло чем-то до боли родным, и не знал Зекен, хочет ли он теперь отправиться с Костей на Лиственнинский рейд.

Незадолго перед вечерней поверкой пенне стихло. В казарму шумно ввалился весь пулеметный взвод.

— Опять из колхоза «Чолпан»? — спрашивали солдаты, видя на тумбочке конверт.

Зекен молча кивнул головой. Костя вытащил из кармана гимнастерки зеркальце, кокетливо взбил пышный, как облако, чуб.

— Везучий вы, ефрейтор Мещеряков, — сказал кто-то, — отращили кудри вопреки уставу. Чья сердце поразить собираетесь?

— Объектов много! — уверенно подмигнул Костя.

Это был высокий тощий парень с большими узловатыми руками; сапоги он носил сорок четвертого размера.

— Слушай, Зекен, что такое «Чолпан»? — спросил Костя. — Это что-нибудь же должно означать на вашем языке.

— Верно, Адилов, — заинтересовались солдаты, — что за слово такое?

Зекен смутился. Он всегда смущался, когда на него обращали слишком большое внимание.

— Это... Чолпан, — задумался он. — Как те-

бе лучше рассказать. Это, когда ночь прошла, и вот-вот утро будет... Совсем скоро. А на небе только одна звездочка, и небо уже светлеет.

— Рассвет! — раздались голоса.

— Вот! — обрадовался Зекен, и черные бархатистые глаза его засмеялись. — Наверно, рассвет... Чолпан — рассвет, Чолпан — рассвет, — повторял он.

— А может, — сказал, подумав, Костя, — ваш колхоз называется «Светлая жизнь»?

— Дай-ка письмо, — потребовали солдаты, — уточним.

— На, читай, — лукаво сказал Зекен и протянул тетрадный листок в клеточку, испи- санный крупным детским почерком.

— Шутнишь, Адилов? Ничего же не пой- мешь! Буквы — русские, а слова...

— Казахские слова, — сказал Зекен, — хо- чешь, переводить буду?.. «Пишет сестренка Роза, — печально читал он. — Очень уважае- мый брат, шлем вам привет. Мы живы, здо- ровы, проживаем на старом месте, в колхозе «Чолпан». У нас стояла дождливая погода, снега не было совсем. Брат ваш Зарлык пере- шел в пятый класс. Отец ходит на охоту, убил одну лисицу. Напишите, что нового, как пожи- ваете в Советской Армии...»

Костя не спускал глаз с Зекена, пока тот читал.

— Понятно, почему у вас, Адилов, вид мрачноватый, — сказал Костя, — домой потяну- ло. О друге ты не думаешь, угосор забыл. Эх, Зекен, Зекен!

Рука об руку с ним провел Костя службу с первого дня; был кое в чем на первых по- рах наставником, учил русским словам, потом полюбил, как брата, молчаливого Зекена. Сейчас вот не мог представить себе, как это можно — взять и разжаться. И казалось от- чего-то Косте (видимо, по давней трогатель- ной привычке), если отпустить друга одного, — неладно у того сложится жизнь.

Затем, как обычно, состоялась вечерняя поверка. Но все же поверка была не совсем обычной: старшина ни разу не пошутил и не был особенно требовательным в тот ве- чер.

— Волнуетесь, товарищи старослужащие? — спросил он, оглядывая молчаливый строй солдат.

Было ясно, что старшина тоже волнуется. Но возможно, он, сверхсрочник, уже думал о тех новых, молодых бойцах, которых примет че- рез несколько дней вместо этих, умелых, обученных.

После отбоя многим не спалось. Когда днев- альный уходил в другую половину казармы, Костя тихо говорил:

— Поедем, Зекен, не пожелаете. Несколь- ко часов поездом, потом Байкал переплывем. Жизнь нашу байкальскую узнаешь, на людей поглядишь. Или ты кроме своего «Чолпана» и видеть ничего не хочешь? Ну, езди в от- пуск недавно, хвайт... Тебе Роза пишет, сестренка, ждет. Ловко ли с пустыми руками завянешь? А ты ей купишь крапешку на платье. Зарлык хромовые сапожки купишь, отцу — баян.

— Зачем отцу баян? — грустно улыбался Зекен.

— Ладно, себе — баян, а отцу куртку из нерпичьего меха сошьем или шелковое одея- ло купим.

Еще Костя говорил о том, что такое спла- щики. Люди особенные — удалые, горячие. Мало еще знают в мире, какая раздольная жизнь у сплащиков. Вся родня Кости рабо- тала на сплаве.

Наконец друг уснул. Зекен лежал с откры- тыми глазами, думал: коль уедет домой ср- азу, то, скорее всего, никогда больше не по- видает Сибири. Где-то здесь будет жить Ко- стя, а где — и не вспомнить.

2

На высоком берегу у истока Ангары, про- тив порта Байкал, стоял одинокий барак. В нем жила бригада сплащиков. Барак был открыт ветрам и солнцу и виден издалеко.

Пароходы подтягивали к берегу морские сигарообразные плоты. Лес шел из бурят- монгольских леспрохозов — из Турии, из Усть-Бергузина, что на восточном берегу Бай-

кала. А из Голоустной катера тянули плоты пучковые, эти были поменьше «сигара», да и расплывать их, несомненно, легче.

Повариха Таня никогда не спускалась вниз, где волны качали плоты. Она кормила бригаду три раза в день — утром, в обед, вечером. Каждый ей мог заказать блюдо по своему вкусу: суп с макаронными, жареную картошку с мясом или уху из свежих омулей, которых всегда можно приобрести у рыбаков Лиственничного рейда (поселок находился в пяти километрах). Таня с большим старанием выполняла заказы сплавщиков, потому что работали они много, а труд их тяжел.

Но иногда маленькая Таня — так ее звали здесь — в свободную минуту выходила на берег поглядеть, что делается вокруг. Она садилась на траву, и парадней растлилось от тихого, лениво-ласкового, то бурного, белое от пены море. Внизу, на плотах, работала бригада. Левее торчали из воды остатки старой «Феодосии» — парохода, затонувшего больше тридцати лет назад. За это время Байкал намыл в крепкий лиственничный корпус судна горы песка и гальки, и теперь сплавщики использовали бывший пароход как причал для лодок и катеров и как удобную площадку для выгрузки такелажа.

Не раз, с безотчетной грустью и немало дивясь, маленькая Таня раздумывала о том, что старая «Феодосия» все еще продолжает служить людям, что ей, как живому существу, не хочется умирать. Десятилетиями сопротивляется она ветрам и штормам, даже с годами становится крепче на мертвом якоре; как говорит бригадир дядя Паша, «лиственница под водой образуется в металл!»

Тане даже как-то плохо верилось, что к тому времени, как сама она появилась на свет, «Феодосия» уже лет пятнадцать пролежала на дне Байкала. А Тане шел девятнадцатый год, и она считала себя человеком пожилым. Сейчас Таня стояла на берегу и кричала сплавщикам:

— Обе-дать!

А те еще не слышали ее голоса, копошились между плотами, как муравьи. Таня сиющими глазами смотрела вниз, и в душе ее росло чувство нежности к сплавщикам — к таким большим, но смешным и нерасчетливым ее детям. Она закричала сильно, весело:

— Товарищи, обед перепрел!

Ветер раздувал ее ситцевое платьишко и выше колен оголял белые ноги без чулок. Смотреть вниз с такой высоты было жутко. Дядя Паша во весь рост стоял в лодке, выбирая трос. Прижатая его ногами, лодка юлила на воде, тыкалась носом в разные стороны. Грузно покачивались плоты; на крайнем Мещеряков и Адилев — новички — снимали последнюю обвязку. Коренастый, крапкий, похотливый движениями на забавного коричневого медвежонка, новичок Адилев бил кувалдой по согнутому лому. Лом придерживал высокий и тощий Мещеряков. Брезентовые брюки были Мещерякову коротки и едва прикрывали колени, как датские штанишки. Глядя на него, Таня смеялась, но никто смеха ее не слышал. Она прозвела мгновение, когда слетела последняя обвязка, и вдруг увидела, что бревна рассыпаются и веером расходятся по воде, и по бревнам, утопающим при каждом движении, бегут новички.

Дядя Паша снова махнул рукой. И, не зная, куда деваться от переполняющего ее желания с риском и вот так же смело побежать если не по бревнам, то еще по чему-нибудь, маленькая Таня подпрыгнула на месте и в третий раз закричала:

— Обе-е-дать!

«А-а-а, а-а-а!» — летело эхо над Байкалом. Таня пошла накрывать на стол.

В просторных, чисто выбеленных сенях у нее была оборудована кухня: стояла приземистая чугунная плита, на полках блестяла алюминиевая посуда. Как кто войдет в сени, Таня скажет:

— А, товарищ Урванцев!

И наливают суп.

Потом скажет:

— А, товарищ Лагунов!

И наливают еще одну миску, чтобы каждому было горячее.

Вошли новички.

— А, товарищ Мещеряков! — сказала Таня и улыбнулась.

Костя подошел к ней сзади, обнял ее за талию, крепко, по-хозяйски, будто жену.

— Как себя чувствуешь, Танюша? Соскучилась?

Этого Таня не ожидала. Она не шелохнулась. Медленно повернула голову и посмотрела Косте прямо в глаза. Рука у Кости сразу повяла.

— Убери-ка руку!

Казалось, никто ее властных слов не слышал, только Зекен. Он шел следом.

— А, товарищ Адилев! — сказала маленькая Таня, словно ничего не случилось.

Так повелось с первого дня — делал замечания Костя. И в том не было обидного: Костя оказывал бескорыстную помощь. Однажды такие их отношения были даже зафиксированы с соблюдением всех формальностей. Мещеряков получил благодарность командира роты за то, что помог Адилеву стать отличником боевой и политической подготовки.

Зекен прилегал на траву. Над плотами кружила одинокая чайка. Байкал дремал внизу, бирюзовый и просторный; он был тих и покрыт блестящими, как новогодняя елка. Вдали, по ту сторону Байкала, сверкая снегами, лежали могучие горы. Они вставали над морем, будто рядом, и казались, если здесь крикнуть, то горы услышат.

Ничего такого не было в окрестностях колхоза «Чолпан», но там было все милее и ближе. Там жили маленькая Зарлык, Роза, отец. Зекен спрятал лицо в траву и не задремал, а как бы унесся в даль, весь отдался мечтам. Но сразу же очнулся: сплавщики спускались по тропинке к плотам. Рядом не очень громко, но и совсем не тихо заговорил дядя Паша:

— Ты, Мещеряков, Татьянку не обижай. Больше я тебе ничего не скажу.

И в сердце Зекена самым неожиданным образом уместились сочувствие Косте и благодарность дяде Паше. Вдохнув, Зекен еще сильнее зарылся лицом в траву. Дядя Паша закричал:

— Адилев! Хватит дрыгнуть!

3

Маленькая Таня гремела ведрами, цепляя их на коромысло. За водой ходить далеко — туда, где отлогий берег. На тропинке, точно из-под земли, вырос Зекен и остановил Таню.

Он вообще говорил забавно, с акцентом, а сейчас перепутал все ударения:

— Я принёсу воды, можешь?

От удивления Таня опустила ведра на землю.

— Тебя же засмеют наши сплавщики, — сказала она, укоризненно покачивая головой.

Ранний час

Константин ВАНШЕНКИН

Весенний снег

Он был зимой влезен, а весной
Ничемным стал, и больше ничего.
И небо занялось голубизною
Над серыми просторами его.

Сползает снег в глубокие овраги,
Под солнцем ослепительным спеша.
Так сходит вдруг ненужный слой бумаги
С переводной картинке малыша.

И все вокруг прекрасней и моложе,
И даль необозримая светла.
И дышит мир как будто новой кожей,
А старая, ненужная, сошла.

Ранний час

Туманы тают. Сырость легкая.
И, ежась, вздрагивает сад,
И капли падают меловские.
Заборы влажные блестят.

Еще лежат на травах изморозь.
Но шелочнется речки гладь.
И вся природа словно выпалась
И только ленится вставать.

Перед грозой

Предельно четки ощущения.
Покой в сердце больше нет.
Предгрозовое освещение,
Где воедино мрак и свет.

Оно бывает очень спорным:
Порой глядишь и видишь вдруг,
Как то ормозеваем, то черным
Все заливаются вокруг.

То скзым, то червоно-красным...
Приткнул, замеряя доме.
Минута эта так прекрасна,
Пред ней ничто гроза сама!

Студентки

Среди цветущей мать-и-мачехи,
Среди пробившейся травы
Учебник высшей математики
И три девичьи головы.

А в небе облако качается,
И солнце льет свой ровный свет.
Никак ответ не получается,
Никак не сходится ответ.

И кто-то там, среди мать-и-мачехи,
Приподнимается с земли:
— Ау, ребята! Где вы, мальчишки!
Пришли бы, что ли, помогли!

***

С воодушевленьем и задором
Девочка, беспечно и горда,
Говорит, захваченная спором,
Что не выйдет замуж никогда.

И подружки страшно горячатся,
Спорят — ничего не разберешь.
Рассуждают: можно ли ручаться!
И решают: можно, отчего ж!

Только мать молчит, не давнет бровью,
Но потом не спится ей в ночи.
Скоро дочка встретится с любовью:
Больно споры эти горячи.

— Зачем! — на лице его отразились напряжение и растерянность.
— Чего ради! Скажут, гоняешься за мной...
Какой ты странник! — рассмеялась Таня.

— Какой!
— Не такой, как все, — она подняла ведро. — Вежливый очень...
— Солдаты все такие, — оправдывался, ответил он.

— Это пока вы в армии, — нарассев сказала Таня, разглядывая Зекена.

Все заметила: лицо скуластое, лоб высокий, чистый, кожа на лице смуглая, под цвет бархатистых печальных глаз. Глаз таких еще не встречалось. В глубине их было что-то просторное и спокойное, как в сумеречной степи. Пожалуй, он был бы совсем некрасив, если бы не эти необыкновенные глаза.

— Ну, что ж, пойдём за водой...
На берегу она села на камень и поджала под себя голые маленькие ноги. Зекен стоял, опустив руки по швам.

— У тебя родные есть? — спросила Таня.
Он добросовестно перечислил всех родственников.

— А где ты до армии работал?
— На фабрике... грузчиком. Недалеко, совсем рядышком от колхоза нашего.

— Хорошо в Казахстане?
У Зекена на сердце полегчало. Какая она уминая, что спрашивает о самом близком! Он упустился перед ней на мокрый песок.

— Очень хорошо в Казахстане, — сказал он серьезно. — Степи у нас, очень богатые степи,

а за ними — горы... Видишь там, за Байкалом, такие же, не меньше... Табуны большие гуляют, овцы, кони, верблюды, а трава очень высокая — лошади скрывается. — Он взмахнул руками. — Вот!

Таня сосредоточенно завела глаза под лоб, глядя, куда он показывает. Зекен во весь рот улыбнулся, и белые зубы его мягко блеснули.

— А земля какая! Жирная земля. Все родит! Золото там нашли. Там такой бугор есть, в том бугре нашли. А где этот бугор, — добавил он тихо, — неизвестно.

— Ты его не видел?
— Видел...
— Почему же неизвестно?

Зекен умоляюще посмотрел на нее, произнес низким шепотом:
— Государственная тайна...
Маленькая Таня расхохоталась:

— Не бойся, выпытывать не стану.
Она вытянула из-под себя одну ногу и осторожно провела пальцами по песку.

— Ты, как петух, Таня, — сказал Зекен, восхищенно оглядывая ее. — Петух тоже одну ногу спрячет, на другой стоит. Долго. Почему тебя зовут маленькая Таня?

— Потому что маленькая, любой унесет.
— Я унесу, — сказал он.

— Ты, сильный, — она еще раз провела ногой по песку, задумчиво склонила голову набок. — Хорошо, что у тебя отец есть. У меня только братья и сестры. Пока училась, я у брата жила... Но знаешь, Зекен, все же — чужая семья, — она вздохнула слегка, потом по-

смотрела на Зекена испуганно, словно выдала тайну, вскочила и зачерпнула полные ведра воды.

Он хотел взять коромысло, но она не дала. — Не надо, Зекен, не хочу, чтобы над тобой парни смеялись. Ты хороший... А сейчас не ходи за мной!

Зацепив ведра, пошла к барачку быстрой походкой, пританцовывая под тяжестью.

4

Поужинав, Зекен прилег на койку поверх одеяла, как это делали все, но сразу же вскочил, снял с вешалки гимнастерку, пришел чистый подворотничок и переоделся. Так его приучили в армии, а сейчас он особенно любил эту свою привычку, потому что она нравилась маленькой Тане. За прошедший месяц Зекен словно одичал, он боялся посмотреть Тане в глаза и стал таким молчаливым, что Костя, обеспокоившись, сказал однажды:

— Надо бы тебе уж ехать в свой «Чолпан», а то здесь с тоски пропадешь.

Костя сел бриться: он собирался в поселок. На Таню он теперь не обращал внимания. «Подумавшись, недотрога», — говорил он. Но Зекен чувствовал: она нравится Косте. Костя рассказал Зекену, что до их приезда за ней, оказывается, ухаживал Мишка Урванцев, но не пришлось ей по душе.

— Парень-то какой, Мишка! — сказал Костя удивленно.

А Зекен после этого уже не сомневался, что Таня — не для него.

Пока Костя брлся, многие сплавщики ушли на Лиственничный рейд. Те, кто остался, вели нескончаемые ленивые разговоры, состоящие главным образом из воспоминаний, перескакивающих с одного на другое. И Костя в этом не отставал.

— У меня жизнь сложилась такая, что за пять вечеров не обкажешь, — скромно заверял он, густо намывая щеки.

Зекен улыбался тому, как ловко врет Константин. В действительности его жизнь была совсем проста, как у Зекена: семилетка, несколько лет работы, армия.

Дядя Паша, так и не дождавшись продолжения рассказа Кости о превратностях жизни, принялся вспоминать о том, как работала на сплаве его жена Варя, когда сам он уходил на войну.

— Женщина терпеливой любого мужика, — рассуждал дядя Паша, — днем на работеavorочается, вечером детихек обижает, кормит и поит. И упрёка от нее не дождешься. А мужик — он что, он заботы об женщине проявляет ноль. Я любому скажу: мало ценим женщину. Варя, может, ждет меня сейчас, все, небось, слушает, не иду ли. И скодить бы. Пять километров... Пристал маленько, не иду. Вся и забота...

Из сеней неожиданно откликнулась Таня. — Все бы так заболелись! — сказала она. — Поучились бы у вас, дядя Паша, отношеению! — и умолкла, будто притаялась.

— У меня тоже жизнь сложная, — сказал Костя громко. — Я в армии как-то ангина заболел, в госпитале лежал. Нашла на меня такая тоска! Задумал роман написать, называется «Моя жизнь». Написал десять страниц, не довел.

Зекен опять улыбался. Он чувствовал, что всем сердцем привязан к этому фантазеру, к своему бесшабашному, но очень доброму и преданному другу. И снова заговорил дядя Паша, сказал несколько слов и Мишка Урванцев и еще кто-то. Зекен все так же молча слушал. Ему было спокойно и радостно среди сплавщиков, будто он прожил среди них долгую жизнь и полюбил их всех давным-давно.

Костя побрлся и ушел. Зекену захотелось выйти на воздух. Самое сложное было пройти сени, освещенные яркой электрической лампой. Здесь, за ситцевой занавеской, вся белая от подушек и кружевных проше, стояла кровать Тани. На табуретке торпорщилась раскрытая книжка. Таня мыла посуду в эмалированном тазу.

Маленькая, большеглазая, она могла сделать с Зекеном все, что угодно. Могла взять его за руку и сказать: «Пойди, прыгни в Байкал!» У него всегда что-то делалось со зрением, когда она так прямо и очень близко являлась перед ним. Глаза точно заволакивало

туманом; и сейчас он видел только спутанные белые волосы на затылке у Тани.

— Тоже уходишь, Зекен? — удивилась она.
— Прогуляться, — пробормотал он и налетел на табуретку.

Небо было усыпано звездами, оно словно смотрело тысячами напряженных сверкающих глаз, сияя что-то разглядеть на земле. Слышался размеренный шум прибоя. Байкал углублялся лишь по этому шуму; там, где лежал он, была сейчас страшная антрацитовая бездна, не отражавшая звезд, не имеющая ни конца, ни начала.

Но в одном месте бездны очень близко сверкнули огни. То шал пароход и, должно быть, вел на буксире плоты.

За этот месяц было много плотов и мало отдыха, не отдыхали и по воскресеньям. Бригаду бы опозорила задержка плотов. Их разбивали и, не задерживая, пускали бревна по Ангаре молем, то есть разрозненно, а свободное плавание. За месяц Зекен заработал три с половиной тысячи рублей, до этого он никогда не владел сразу такой большой суммой. В день получки оба с Костей пошли в поселок и по три тысячи положили на сберегательные книжки.

Присев у барака, Зекен, не мигая, следил за огнями парохода. Там, откуда он плыл, существовала какая-то своя интересная жизнь, и Зекену вдруг захотелось узнать, какая она. Он слышал сквозь дощатую стенку сеней, как шлепали по полу тинны ноги. Затем послышались тяжелые шаги.

— Далеко ли, дядя Паша? — спросила Таня.
— Схожу-ка, я, Татьяна, домой, оставайся за меня хозяйкой, — дядя Паша протопал сапожниками в угол к бочке с водой, громыхнул ковшиком и, видимо, напившись, вкусно чмокнул губами. — Лежал я, Татьяна, а Варя из головы не идет... Обижается, значит. Ребята, ясное дело, спят, а Варя ждет...

Дядя Паша растворил дверь.
— Пароход! — вскрикнула Таня.
— Сигары тащи, — зевая, сказал дядя Паша, — звонили мне: десять сигар. С утра займемся ими. Народу у нас не хватает, Татьяна, нам бы еще пяток таких, как новички...

— Особенно Адилов...
— Работник.
— Скромный, — сказала Таня.
— Думаю уговорить их обоих с Мещеряковым, чтобы в кадрах у нас оставались... до работы лютые. Ну, бывай, хозяйшечка, на зорьке вернусь.

И он ушел. Зекен в темноте улыбался.

— Таня! — позвал он, набравшись смелости. Она, удивленная, молчала. Потом спросила:
— Это ты, Зекен? Я думала, ты ушел в поселок.

— Нет, не ушел...
Несколько минут она ходила в сенях, что-то делала. Он догадался: переодевается. Таня вышла и села рядом, но через секунду поднялась, взяла его за руку и приказала:
— Пойдем вниз, посмотрим, как будут ставить плоты!

— Пожалуйста, пойдем, — покорно поднылся Зекен.

Таня легко скользила по темной, невидимой глазу тропинке. Зекен крепко держал ее маленькую руку, а сам, как никогда, осторожно ставил ноги. Сердце от неожиданности стучало, как молот. Внизу, на узкой песчаной полоске, Таня остановилась. Пароход включил прожектор, осветивший черные глянцевиные волны, и медленно поворачивался. Стучала машина, слышались крики людей.

Таня стояла, не отнимая руки и чего-то боясь, и смотрела перед собой. Секунду ее занимала мысль о том, останется ли Зекен, если дядя Паша ему предложит остаться. Но вопрос этот как-то сам собой улетучился из головы, как совершенно несущественный, просто пустяковый. Таня подумала, что Зекен — верный, надежный человек. Луч прожектора медленно скользил по воде и вдруг угас. Сразу невероятная темь окутала все. У Тани появилось такое чувство, будто во всем свете, кроме нее и Зекеана, никого не осталось. Она смело прижалась головой к его плечу и почувствовала, что Зекен неуверенно дотронулся до ее волос. И ей было почему-то радостно оттого, что он не смеет ее обнять.

Зекену казалось, что сейчас Таня вспорхнет, как птица, и умчится по тропинке вверх. Он стоял, не дыша. Волны с шорохом ударялись о берег, катили за собой мелкие камни, словно кто-то быстро и бозяливо проводил пальцами по клавишам баяна. И отчего-то именно сейчас в ушах его еще раз прозвучали полные удивления слова Константина: «Мишка-то Урэнцев какой парень!» А сам Костя какой парень!.. Но жизнь что-то делала по-своему, никого не спрашивая, властно и щедро. Таня стояла рядом, вся трепещущая, близкая. Зекен чувствовал тепло ее тела и, захлебываясь от радости, еще не верил, что все случившееся — правда. Хотелось спросить: «Ты не смеешься, Таня?»

Мир един и неделим

Рауль Гонсалес ТУНЬОН

Мощный голос над Землею:
Пусть не льется больше кровь!
Миру — мир! — твердят
народы.—
Мир — надежда, мир — тобою!

Мир — на фабриках и пашнях,
В деревнях и городах;
Он несет корзину с хлебом:
Он и в песнях и в трудах.

Мир — ваятелю, артисту,
Старикам и детворе,
Лампе в тихом кабинете,
Топору в лесном шатре!

Мир — труду на побережье,
На равнинах и в горах,
Вахте в море бирюзовом,
Экспедиции в снегах!

Мир — ручью, реке и мосту,
Небу, облаку, мечте,
Зыбкой лодке рыбакова
И девичьей красоте!

Мир — лесам растущей стройкой,
Граням в горном хрустале,
Синим окнам лазарета,
Блеску солнца, серой мгле!

Мир — вязанью старых женщин,
Испре в пещином вине,
Звону колокола в школе
И кухонной близине!

Мир — дощатому причалу,
Кораблю в морском порту,
Грустным соснам над могилкой,
Розам пурпурным в цвету!

Мир — вокзалам и базарам,
Светлой башне маяка,
Белоснежным кипам хлопка,
Черным сводам рудники!

Каждой ласточке, нашедшей
В шпилье старой церкви кровь,
Сохранившимся в предместьях
Камням древних очагов!

Мир, ты — голубь, долгожданный,
Всей земли крылатый друг.
Ты летишь на дальний Север,
Ты летишь на крайний Юг.

Мир, ты — жаворонок звонкий,
Лунный, чуть дрожащий свет,
Ты — сияющее знамя,
Зимний медленный рассвет;

Тшина зернохранилищ;
Песня мерная машины,
Ты идешь бескрайней пампой,
По дорогам Аргентины.

Над Америкю ночью
Ты создадим сильнее,
Ты сегодня видишь горе,
Счастье завтра обещаешь.

Ты склонился над буссолою
На плывущем пароходе,
Ты — в гитарном переозвоне,
В жаркой домне на заводе.

С колесницею Авроры
В легком белом одеянии
Ты опустишься на землю
Утром в солнечном сиянии.

Перевела с испанского
М. БЫЛИНКИНА.

Рауль Гонсалес Туньон — современный прогрессивный поэт Аргентины.

П Р О С Т О Р

Гармони

Слана гармонь причудами,
Певучими пичугами.

Они с частушкой местною
Взлетают над невестою;

Над речкою с обедами,
Над всеми хоровами;

Они поют, торопятся,
А песни, песни копятся.

***

Как выходят гармонисты,
Так за ними трактористы,
На подбор молодежи,
И не хочешь, да пойдешь!
А за ними зель-эма,
На подбор боевые.
Вся гармонь огнем горит,
Говорит, говорит...
За собою повела
Три деревни, два села.
У нее из-под ладов
Входит в песню мать садов!
Первый сад — топольный,
А второй — соловьиный,
В третьем — вечное лето,
А четвертый — в самоцветах,
Лучше платого меду!..

Возле каменного брёда

Шла я к речке по тропинке,
По несомненным травинкам.

Вышла к речке:
— Будь добра,
Дай водицы два ведра!

Самой чистой и спокойной,
Чтобы мать была довольной;

Той, что слаще карамели,
Что пьянит сильнее хмеля;

Самой звонкой, самой синей,
Той, что есть в одной России!

К берегу плывет ответ,
Что воды спокойной нет.

Возле каменного брёда
Замутнили гуси воду.

Замутнили, расплескали,
С белых крыльев пыль
смывали...

Простор

Дела, дела все разные,
Одних бумаг — стога!
А ведь сегодня празднуют
Заречные луга.

Простор там песней оглушен,
Не скучно никому,
И даже ворон приглашен,
Хоть триста лет ему!

Пускай сидит и сыт и пьян,
Смирит сегодня край,
Пускай услышит, как с полям
Несется запах трая.

— Кар-кар,— наверно, заведет
И на какой-то миг
Ромашку в толстый илов
возьмет

И загрустит старик.

А рядом свищут соловьи
И пеночки поют,
А рядом зяблонь мон
Цвести не устает.

И все в нарядном, дорогом,
Все далеко видать.

Луга кругом,
Простор кругом —
Такая благодать!

Наливала бирюза

Ты сидела у реки
И плала венок,
Ветер, шедший в тростниках,
Замер возле ног.

ВЕСНА.

Фотоэтиюд П. Шведова.

Наливала бирюза,
Налетала быстрая
На веселые глаза
С золотою искрою;

На ресницы щеточной,
Ленту-косоплеточку,

И на платьице горошком,
На траву-эльюнок,
На всю Лиду-босоножку,
Что плала венок!

Вот как-то, брат, дела,
Вот в чем счастье лично...
А чермуха цвела
Видно-невидно!

Цвела, цвела чермуха

Цвела, цвела чермуха
На белой на горе,
Ломала я чермуху
Утром, на заре.

Чермуха весенняя,
Тебя красивой нет.
Ломала — листьев не было,
Был только белый цвет.

Ломала, в воду ставила,
Юдала на скляночку,
Всему-то миру славила
Чермуху свою!

А над горою шалаш
Реза, забыв покой,
Зарю гасила алую
Холодною волной.

Цвела, цвела чермуха
На белой на горе,
Ломала я чермуху
Утром на заре.

Раздумье

Товарищам что-нибудь снится:
То снег, то цветы, то вода,
И сны их идут на страницы,
Становятся явью тогда.

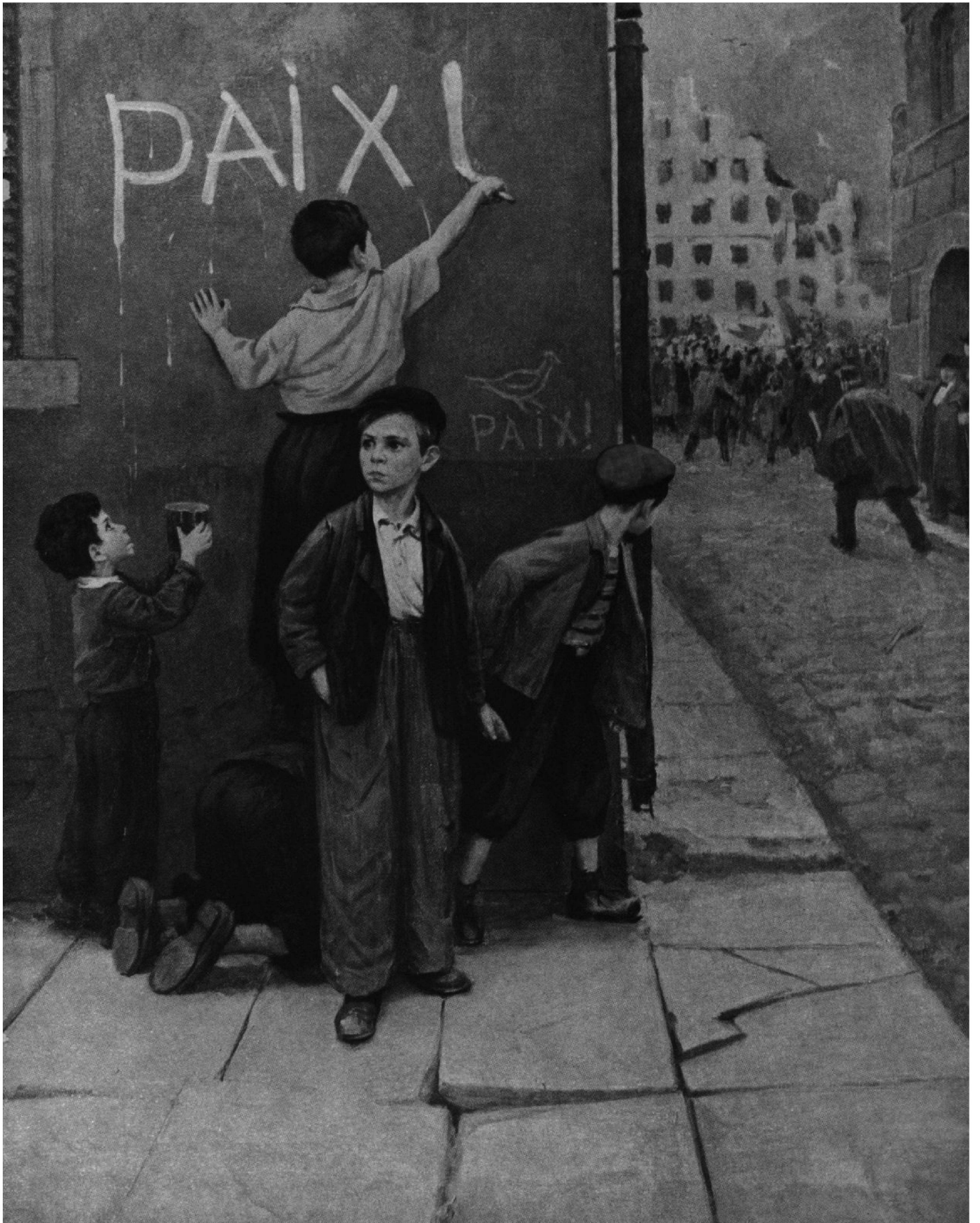
А мне ничего не приснилось,
Ведь то, что присниться могло,
Давно уж со мною сроднилось
И в сердце глубоко легло.

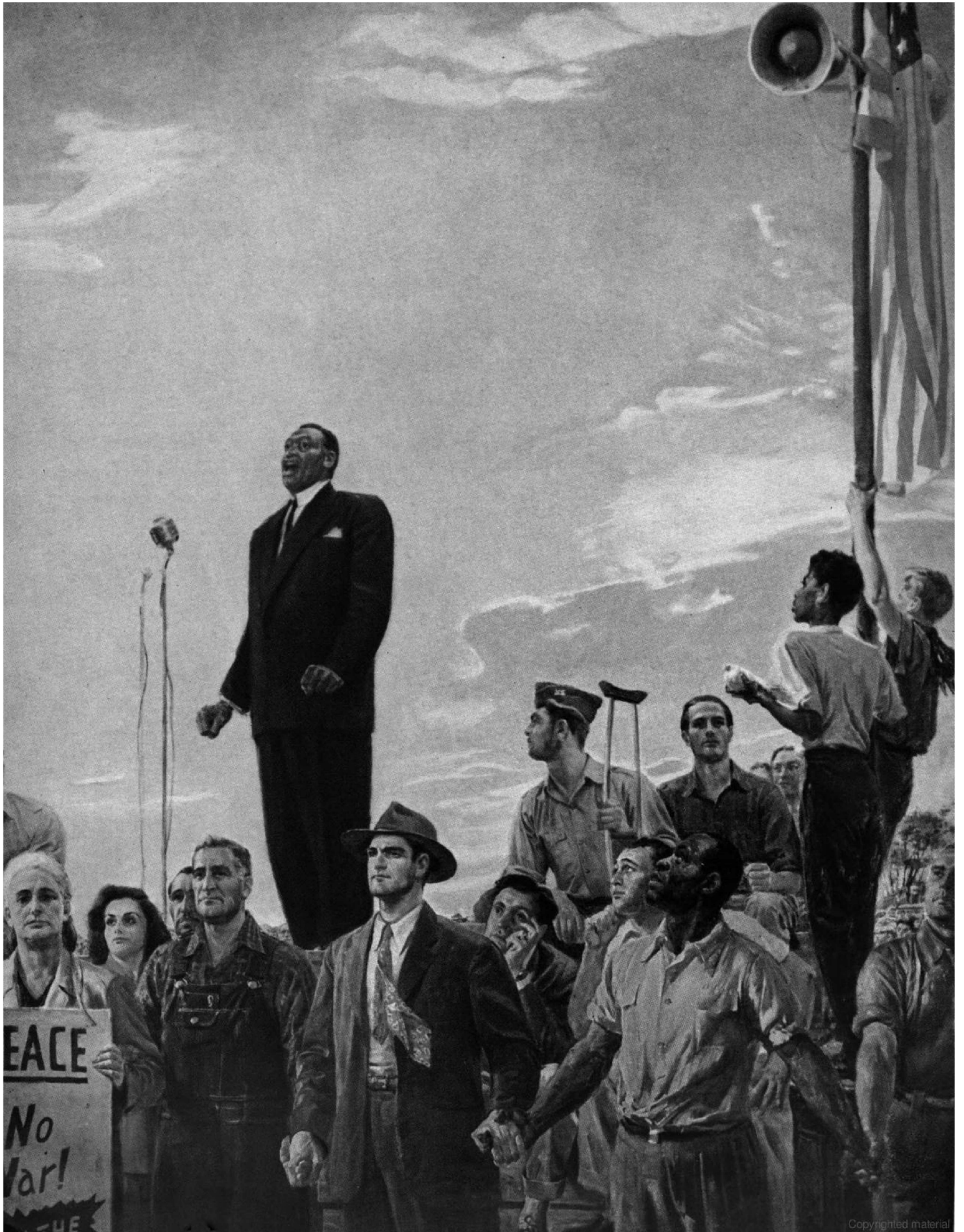
Зачем мне! Я вижу воочию:
Мой мир полыхает огнем,
И звезды, горящие ночью,
И звезды, горящие днем.

Я вижу дорогу большую
В сверкающих цветах и лучах,
Я вижу, как буря бушует
И молнии гасит ручах.

И русскую зиму я вижу,
И тучи, что низко плывут,
И девушку в красном на лыжах,
Которую Зоя зовут.

Ф. П. Решетников. ЗА МИР!

3.000 километров по Вьетнаму

Демонстрация крестьян против соотенников-эксплуататоров.

Войска ЖУКРОВСКИЙ

Рисунки Александра КОБЗДЯ.

В «Центре»

Днем погода несколько прояснилась, и сразу же нам позвонили из ЦК Партии трудящихся Вьетнама.

Дождь прекратился, но с листьями еще непрерывно текла вода. Мы скользили и спотыкались на глинистой крутой тропинке.

Солдаты шли ровным шагом, пряча автоматы под скользкими от дождя плащами, смеялись и беседовали между собой. Два раза мы прошли мимо шалашей охраны. Сопровождающие называли пароль. Охрана с интересом разглядывала нас.

— Они спрашивают, не пленные ли вы,— сказал Ван Тьнь.— Это потому, что никого из европейцев, кроме оккупантов, мы здесь не привыкли видеть... Поэтому не осудите их за любопытство и за радость, когда они узнали, что это идут братья...

Мы шли гуськом сквозь докучливый туман. Под ногами трещели засохшие обломки бамбука. Тропинка вилась среди высоких деревьев. Внезапно мы наткнулись на хижину, к которой сходилось много проводов и кабелей. Телефонисты что-то кричали в беломые трубки, стучали пишущие машинки, кто-то диктовал,

кто-то переговаривался с далеким пунктом. На веранду второй хижины вышел невысокий бледный человек. Малая дождевая пыль садилась на его брови и ресницы.

— Это генеральный секретарь Партии трудящихся товарищ Чыонг Тинь,— шепнул нам Ван Тьнь. Мы обменялись рукопожатиями. Несколько мгновений я чувствовал на себе пронзительный взгляд, словно спрашивавший: «Может ли мы положиться на тебя?» Потом мы обнялись и побратски расцеловались.

— Благодарю вас за то, что приехали,— неторопливо сказал Чыонг Тинь.— Это для нас немалая радость. Пусть даже вам не понравится здесь, пусть даже вы не напишете о нас ни одной строки,— достаточно того, что вы здесь и можете увидеть нашу жизнь. Уже это прибавит сил нашим людям.

Моим руки, отряхиваясь, входим в помещения. Простой стол, по стенам развешены большие штабные карты. Начинается оживленный разговор о наших планах и намерениях.

— Мы покажем вам все, что вы пожелаете,— говорит Чыонг Тинь.— Единственная трудность — время и средства передвижения.

Наша революция,— продолжал Чыонг Тинь,— сложное дело. Во-первых, она связана с освободительной войной; во-вторых, нали-

цо огромный отсталость, наследие веков угнетения; а-третьих, многочисленные религии: буддизм, таизм, католицизм... Еще одна сложность — это малые народности, наши горные жители, ман и то: разные языки, различные культурные традиции, иногда особая письменность. Французские колонизаторы создавали здесь недолговременные мелкие княжества только для того, чтобы поспорить нас, разделить, ослабить... Сейчас все эти народности представлены в нашем правительстве, и население без различия племенной принадлежности от всей души помогает армии...

Через оконный проем (плетеное жалюзи поднято и держится на бамбуковой подпорке) я вижу двух белок, скачущих, несмотря на ливень, по мокрому стволу дерева. Товарищ Чыонг Тинь замечает направление моего взгляда и чуть усмехается. Ему тоже приятно наблюдать за зверьками, играющими в прятки.

— Джунгли живут своей жизнью,— задумчиво говорит он.— Я думаю, вам придется увидеть и тигра...

Начинается рассказ об опасном хищнике.

— ...Три года назад,— говорит Чыонг Тинь,— довелось мне быть на одном собрании в горном селе. Наступили сумерки, как и сейчас. Мы сидели кружком на разостланных матах, речи были

долгие, медленные. Дом,— вернее, просторный сарай— стоял за селением, вблизи леса... Все произошло молниеносно. Тигр вскочил через окно, схватил председателяствующего и выпрыгнул в противоположное окно. Все онемело. Когда люди бросились на помощь, тигр уже тащил свою добычу в джунгли...

— Это, наверно, наказание за излишнюю разговорчивость,— пошутил, повизывая, Олек.

— ...Выбор тигра оказался не случайным,— продолжал, улыбаясь, Чыонг Тинь.— Председательствующим был как раз богатый землевладелец, крупный и пухлый мужчина, окружали же его худые, изголодавшиеся крестьяне... Должен сказать, что тогда немало враждебных элементов пробралось в сельские комитеты...

Разговор перешел к произведенным литературе, посвященным борьбе вьетнамского народа за свободу, мир и независимость. Мы говорили о «Черной реке» Пьера Куртада, «Нефритовых палочках» Мадлены Риффо. Разумеется, я не преминул рассказать собеседникам содержание повести польского писателя М. Жулавского «Красная река».

— Вас мы очень просим: берегите себя, не болейте! — на прощание сказали нам гостеприимные хозяева.— Не только для себя, но и для нас... Выполняя свою работу, вы поможете нам...

Он вышел проводить нас, не обращая внимания на дождь, освещенный блеском факелов. Капельки воды шипели, попадая в огонь. Огромные темные деревья склонились над маленьким домиком, как бы заботливо охраняя его...

Прием у Хо Ши Мина

Джунгли затянуты белесоватой пеленой: в трех шагах ничего не видно. Сквозь листву просвечивает красноватое солнце — два радужных кольца. Идем быстро: тропинки немногие подсохли. Перед нами крутизна, заросшая пельмаки. Дышим тяжело: туман оседает на легкие, как вата. Спешим. В одиннадцать мы должны быть у президента Хо Ши Мина.

Над нами, на крутизне, но мгле испарений кто-то ломает ветви, трещит сгибаемый бамбук. Огромные дыры на глинистой земле — словно кто-то топал по ней, прицепив к ногам медные тазы. А дальше видны целые массивы придавленных кустов — следы марша гигантов.

— Это домашние слоны — успокаивает нас переводчик.— Они пасутся поблизости. Опасности нет, но дразнить их все же не советуем.

Мы клянемся в душе, что не станем фамильярничать со слонами. Внезапно слышим шум, треск ветвей, шлепест верхними деревья.

Несколько выше нас, чуть скрытый стволами бамбука, стоит слон. Острые глаза зорко всматриваются, хоботом он пригнул несколько ветвей, чтобы лучше нас видеть. Легко колышутся широко расставленные огромные уши. Слон дышит мерно; две ровные струи пара бьют с конца хобота. Если даже в зоологическом саду слон производит сильное впечатление, то здесь, среди деревьев, в клубах тумана он выглядит грозно.

Руслó горного потока... Прозрачная вода пенится на камнях,

В. И. Полянов, И. В. Радомир, Х. И. Шац, ПЕСНЬ МИРА.

вдалеке грохочет водопад, среди скал бушует быстрина.

— Теперь уже недалеко,— говорит Ван Тань. Мы задираем головы: как петушьи хвосты, торчат по склону листья сверкающих пальм, а над ними невообразимо снопами сверкающих лучей пробивается солнце. Лес редет, видно несколько домиков. В одном из них живет президент.

Я узнаю его издаലെка. Легким шагом он спускается по тропинке навстречу нам. Высокий лоб, узкое энергичное лицо, скупая седоусая борода и добрая улыбка. Клетчатый шарф обвивает худую шею. Коричневая куртка, чуть подвернутые брюки, на ногах—такие же, как и у солдат, сандалии из куса автомобильной шины.

Хо Ши Мин тут же начинает

Президент говорит на безупречном французском языке. Его глаза смотрят молодо, в них светятся природный ум и юмор. Его ясно веселит наше удивление спартанской простотой его образа жизни.

— Я здесь не одинок,— говорит он,— люди часто навещают мой дом. Шесть лет живем в таких условиях... Здоровье еще не покидает меня. Могу легко пройти сразу сорок километров, если надо... Мне полюбилось это место. Здесь так красиво и хорошо!

Сейчас, когда травы и деревья, усыпанные светлыми каплями, сверкали под лучами яркого солнца, а вершины пальм колебались в теплой лазури неба, я готов был понять восхищенное восклицание президента. Но в период дождей, в непрерывные ливни этот дом,

свободу спланивает всех и вырастает в могучую силу, которая служит общему делу...

Президент помолчал мгновение, потом продолжал спокойно и строго:

— Нам очень трудно примириться с мыслью о долгой войне. Как хотелось бы нам вместо винтовок и гранат раздавать нашей молодежи книги, направлять людей в лекционные залы, на заводы и фабрики, поселить в хороших, настоящих домах из кирпичей, а не из бамбука!

Он смолк и снова посмотрел на далекую равнину. Мы напомнили ему о последних победах Народной армии.

— Да, это правда. Мы наносим оккупантам известные поражения, но я не решился бы определить какой-нибудь твердой даты нашей победы... Мы не можем себе сказать: ну, еще год, еще два... Тут дело уже не во французских колонизаторах... Вот перадо мной лежит перепись новых транспортов оружия из Соединенных Штатов. Разумеется, мы интересуемся этим, тем более что рано или поздно американское оружие может оказаться в наших руках... Однако главное не в этом: действия Соединенных Штатов затягивают войну, увеличивают страдания ни в чем не повинного населения нашей страны! Если бы не было интервенции Америки, мы давно бы договорились с Францией. Не забывайте, что французский народ является нашим подлинным союзником.

Солнце отразилось в круглом зеркальце и ослепило меня. Я незвольно кинул туда взгляд. Хо Ши Мин заметил:

— Это зеркальце из сбитого самолета, часть прицельного устройства. Американский бомбардировщик. Солдаты принесли мне это зеркальце в подарок... Да, я знаю, что вы хотите ехать на фронт, мне уже говорили об этом... Собственно, войну искать далеко не нужно—она вокруг нас. Но если вы так настаиваете и генерал Во Нгуэн Зяп согласится, то... Да, мне тоже хотелось бы, чтобы вы посмотрели на нашу армию. Но вы должны быть очень осторожны, беречь себя... Мы ведь не можем согласовать период вашего пребывания на фронте с неприятельскими летчиками, а бомбы не разбирают, кто пришел...—пощупил Хо Ши Мин.— Но прежде всего поинтересуйтесь земельной реформой, мобилиза-

Генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Чыонг Тинь.

цией сил крестьянства на проведение ее. Это на многое откроет вам глаза...

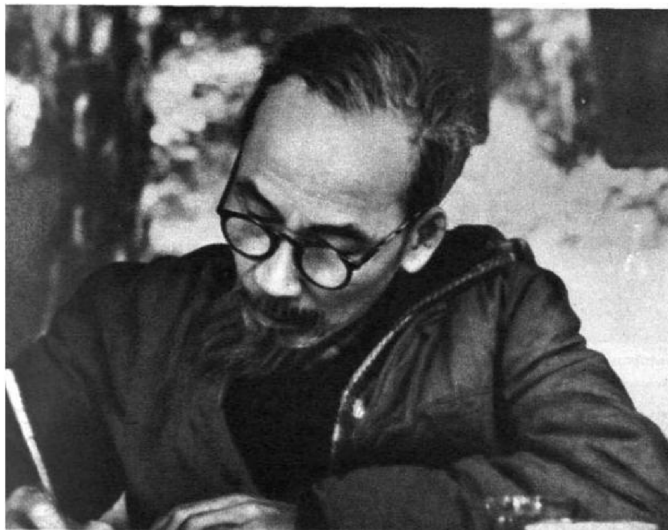
Мы начали просить президента, чтобы он сам хотя бы вкратце рассказал нам, в чем значение земельной реформы, почему только теперь революция переплывает старый уклад села.

Президент стал рассказывать:

— Еще в 1952 году Центральный Комитет нашей партии поставил вопрос о земле как требующий неотложного решения. Национальный фронт наметил основу и поручил нам выработать директивы. Около двухсот членов Национального фронта, принимавших участие в этом совещании, размышляли по селениям. Они начали подготовку проведения реформы. Этот период длился три месяца. Потом мы обсудили ошибки, подытожили успехи. Новую инструкцию о земельной реформе мы все еще считаем временной, предварительной. Практика, жизнь научат нас. Благодаря опыту мы избегаем серьезных ошибок, ведем дело без доктринерства, чтобы потом не сворачивать, не приостанавливать работу. Естественно, что мы опираемся на опыт Советского Союза, народного Китая и ваш. Цель у нас та же самая—облегчить труд и жизнь крестьянина.

Мы конфискуем землю только у тех собственников, которые являются явными изменниками или запяливали свои руки в крестьянской крови. У остальных, крупных и средних, землевладельцев государство землю выкупает, и земля тут же раздается крестьянам. Это некоторого рода заем. За землю мы платим облигациями, которые будут выкуплены Народным банком через десять лет. Сейчас мы будем платить ежегодно полтора процента от суммы, в которую оценена откупленная земля... Видимо, закон этот был очень нужен, а решения давно назрели, коль скоро он был принят единогласно. Должен напомнить вам, что у нас в парламенте заседают не только рабочие и крестьяне, но и купцы, фабриканты, землевладельцы. Голосование данного закона было подлинным испытанием их добросовестности и лояльности...

Президент отодвинул кресло, поднялся по лестнице на чердак. Спустя минуту он вернулся со

Президент Хо Ши Мин.

разговор. Он ведет нас в сторону домика.

— Вот поглядите на мой президентский дворец!—добродушно шутит он.— Второго такого вы никогда в жизни не увидите: ни один президент на свете не может похвалиться такими апартаментами!

Домик, веранда—все это звучит слишком громко для того, что мы видим перед собой. Четыре столба из толстого бамбука, на них укреплены платформы, куда ведет лесенка. Крыша из щепы.

Мы входим в рабочую комнату Хо Ши Мина.

Тут два стола. На один складываются почта, радиосводки, донесения, рапорты, бумаги по вопросам, которые надо решить. За вторым президент работает. На столе—старая, почтенная пишущая машинка.

— Очаг должен все время гореть, чтобы она не заржавела от сырости,— поясняет хозяин.— Впрочем, это создает некоторую иллюзию домашнего уюта...

Наученные нашим добрым Ван Танем вьетнамским обычаям, мы снимаем сандалии и по лестнице взбираемся на «второй этаж». Меня изумляет пустота: в углу висит противомоскитная сетка, под ней лежит свернутое одеяло, в углу старый чемодан. Это—все.

видимо, был слабой защитой от нелесковой стихии...

— Я вовсе не исключение!—говорил Хо Ши Мин, как бы отводя движением руки слова нашего изумления.— У нас тысячи людей живут так. Мне даже жалко,—пощупил он,— у меня нет ни жены, ни детей...

Он помолчал, посмотрел на солдат, расположившихся у склона горы, бросил взгляд дальше—на долины, где сквозь стволы деревьев зеркально поблескивали рисовые поля, и сказал задумчиво и просто:

— Моей большой семьей я считаю весь наш народ. До сего дня служил ему и до конца жизни хочу служить только ему...

Слова эти прозвучали без всякого пафоса, словно речь шла о деле важном, но совершенно очевидном и обычном.

— Они вас тоже очень любят, товарищ президент!—прошептал я, растраганный до глубины сердца.— Да и трудно не любить отца.

— Да, они довольно часто так называют меня,—улыбнувшись, признался он.— Обычно люди нашей страны благодарят меня за помощь. Но ведь я только посредничать в ней. Они должны благодарить самих себя... Каждый из нас порошек немного значил бы, но готовность бороться за

Главнокомандующий Народной армией Вьетнама Во Нгуэн Зяп.